

7 июля 1983 года

К 200-ЛЕТИЮ ГЕОРГИЕВСКОГО ТРАКТАТА

«МЫ СВЯЗАНЫ ПРОЧНЫМИ УЗАМИ ДРУЖБЫ», —

ГОВОРIT ГЕРОИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА,
НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР, ДИРЕКТОР МОСКОВ-
СКОГО МАЛОГО ТЕАТРА МИХАИЛ ИВАНОВИЧ
ЦАРЕВ

Ровно в час дня, как и было предусмотрено, секретарь директора — по современному деловитая сподвижница корифеев с хорошо поставленным голосом характерной драматической актрисы — пригласила меня в кабинет Михаила Ивановича Царева. Один из замечательнейших русских, советских актеров, председатель ВТО — Всероссийского театрального общества, создатель ряда сценических образов, золотыми строками вписанными в историю русского советского театра, Михаил Иванович приветливо подился мне навстречу из-за стола, за которым, надо думать, сидели обладатели немалого числа славных театральных имен.

Наша встреча с Михаилом Ивановичем была связана с приближающимся 200-летием Георгиевского трактата. Поэтому первый мой вопрос касался связей Малого театра с грузинским театром.

— Малый театр связан с грузинским театром прочными узами дружбы, — сказал М. И. Царев, — и теперь, в дореволюционные времена. Об этом свидетельствует и премьерство, директорство Александра Ивановича Сумбатова — Южина. И то, что еще до революции Константин Александрович Марджанишвили принимал участие в работе Малого театра, поставил на его сцене «Дон Карлос» Шиллера.

Здесь автору хотелось бы сделать небольшое отступление, связанное с А. И. Сумбатовым-Южиным. Много лет ведущий актер «героико-романтического направления», драматург и руководитель Малого театра, А. И. Сумбатов-Южин (1857—1927 гг.), как сказано о нем в БСЭ, родился в Тульской губернии в с. Кукуевке в семье грузинского князя. Окончил юридический факультет Петербургского университета. В студенческие годы участвовал в спектаклях различных трупп, выступавших на клубных сценах Петербурга и Тифлиса. Приводятся и такие данные: в Малом театре он работал с 1882 г., дебютировав в роли Чацкого, и до конца жизни. С 1909 г. был управляющим труппой, с 1918 — председателем совета, с 1919 — председателем дирекции, с 1923 — директором, с 1926 — почетным директором.

— Нужно заметить, — продолжал далее Михаил Иванович, — что эти связи не прерываются. На нашей сцене выступали коллективы театров имени Руставели и имени Марджанишвили. Самое большое впечатление произвели ваши замечатель-

ные актеры: Верико Анджапаридзе, Акакий Хорави, Акакий Васадзе, забываемое исполнение роли царя Эдипа в спектакле руставелевцев Серго Закариадзе, игра ряда других актеров. И наш Малый театр гастролировал в Тбилиси, оставив в наших сердцах самые теплые воспоминания.

— Второй мой вопрос, Михаил Иванович, обращен к вам, как к председателю Всероссийского театрального общества. Что бы вы могли сказать о его связях с Театральным обществом Грузии?

— Творческие связи ВТО и Театрального общества Грузии, которым долгое время руководил Додо Антадзе, а теперь Додо Алексидзе, выявляются в первую очередь в творческих взаимоотношениях. Мы проводим консультации по вопросам нашего многонационального театра, совместно обсуждаем проблемы, связанные с разносторонней деятельностью наших организаций.

— Одна из задач любого театрального общества — очевидно, творческая помощь молодежи, той, естественно, что обладает способностями, талантом. Скажите, пожалуйста, Михаил Иванович, как руководитель ВТО и как профессор театрального вуза, легко ли определить талант?

— Талант определить легко. Гораздо труднее определить степень одаренности человека... Талантов не так уж много: я говорю о нашем деле, о драматическом искусстве. Выдающихся не так много. И он, талант, стоит сам за себя. Что же касается дальнейшего, то ему, актер он или режиссер, помогает, если он правильно понимает время и влияние времени, а для этого надо прислушиваться к жизни, быть вместе с народом.

— Значит, какие качества вы считаете для человека — актера особенно важными?

— Трудно, конечно, чтобы в человеке, в актере ассоциировалось, соединялось все самое хорошее. В первую очередь, конечно, человеку, избравшему эту стезю, надо быть одаренным творчески. Хорошо, чтобы при этом соблюдалась известная личная скромность и обязательно уверенность. Не самоуверенность, а уверенность. Совершенно естественно, что ему необходимо быть образованным человеком. И сохранять в себе страстность, то есть увлеченность работой, всегдашнюю к ней готовность.

Надо страстно любить свое дело. Ну, а способности, форма — это зави-

сит от глубины понимания пьесы.

— Михаил Иванович, следующий мой вопрос обращен к вам, как к постановщику «Короля Лира» и исполнителю главной роли и в связи с вашими словами о необходимости все более глубокого постижения драматургического материала... Я хотела бы напомнить о примере, который приводит в одной из своих работ Сергей Юткевич. Отрицая попытки «подправить», «обновить» Шекспира, он в качестве интересного примера глубинного постижения текста пьесы и права режиссера обнаруживать в классике «скрытые доселе возможности и богатства» приводит постановку «Короля Лира» Джорджо Стрелером в его миланском «Пикколо-театре». «Тщательно изучив текст трагедии, режиссер обнаружил, что на сцене никогда не присутствуют одновременно Корделия и шут. Это позволило ему создать новую судьбу дочери короля: несмотря на смертельную обиду, она из любви к отцу решает остаться при нем, приняв облик шута». И самое драгоценное в опыте Джорджо Стрелера, считает Юткевич, что никакого насилия над текстом ему не понадобилось. Эта версия режиссера подтверждается и судьбой преданного Лире Кента, который тоже ведь остается с королем неузнанным им. Грузинский театр не раз обращался к «Королю Лире», ему известны и успех, и неудачи, недалеко, видимо, новое его обращение к этой трагедии...

Вижу по лицу Михаила Ивановича: такая трак-

товка, ему не по душе. Он говорит:

— Что касается глубины... Ведь шут понимает, что Лир совершил ошибку, изгнав Корделию. Это важно для идеи спектакля. Если один и тот же актер, скорее — актриса будет играть роли Корделии и шута, то, я думаю, это будет мешать идее связанных с ним сцен. Просто зрители станут следить за актрисой, как она играет роль шута, мужскую роль...

— Мне хотелось бы избежать вопроса о самой любимой роли, полагаю, что роли, как книги, нельзя любить одну, потому, что вы бы сказали о своих любимых ролях?

— Да, не может быть любимая одна. Я очень много сыграл хороших ролей и отдавал им все.

Всю жизнь, можно сказать, играл Чацкого, лет тридцать, лет тридцать тому назад начал играть Фамусова и с большим интересом взялся за воплощение этой роли. Протасов, Арбенин, Рюй-Блаз, полковник в «Селе Степанчикове и его обитателях», Рамаданов в «Крыльях» Корнейчука, Смит в «Русском вопросе» К. Симон'ова, Пушкин, пьесы Шекспира — все это прекрасные страницы моей жизни. Теперь я играю в «Перед заходом солнца», Лира, Фамусова, горьковского Старика, Вожана в «Оптимистической трагедии». Много ролей. Притом и жизнь моя большая — более шестидесяти лет, как актерствую.

— Что бы вы могли добавить к сказанному?

— Я хотел бы поздравить с большим праздником — 200-летием соединившего наши судьбы Георгиевского трактата — дорогих друзей в Грузии, театральных работников республики и желаю им новых больших творческих успехов в деятельности замечательного грузинского народа.

С. ГВЕЛЕСИАНИ,
спец. корр. «Вечернего
Тбилиси».
г. Москва.

85